

От горьких снадобий можно отказаться, от постельного режима на время — тоже, но иглоукалывание необходимо. Второй господин Лю одной рукой придерживал Лян Шу за плечо, другой медленно вводил иглу, размышляя: да разве это сложно? Главное — действовать постепенно и заставить врасплох. Неужели среди лекарей Императорской больницы не нашлось никого, кто сумел бы это проделать?

— Больно, — сказал Лян Шу.

— Это нормально, — ответил Лю Сюаньань.

— Больно — и это нормально?

— Куда уж больно от нескольких иголок? Ладно, не двигайтесь, я велю А-Нину приготовить отвар.

Услышав слова «приготовить отвар», Лян Шу снова почувствовал, как у него заныли виски.

— Зачем ещё и отвар?

— Раз болен — значит, нужно лечиться, — невозмутимо ответил Лю Сюаньань, убирая иглы в футляр. — Но Ваше Высочество может не тревожиться, отвар не слишком горький.

Лян Шу спросил с неудовольствием:

— Ты полагаешь, я горечи боюсь?

Лю Сюаньань подумал: «А разве нет? Помощник генерала Гао целых три раза это подчёркивал». Однако он решил сохранить лицо князя Сяо.

— Конечно нет.

Его Высочество князь Сяо снизошёл до того, чтобы величественно выдавить нечто вроде «хм» в знак согласия.

Лю Сюаньань посмотрел на него, выдержал паузу, а затем с серьёзным видом поджал губы.

— Раз Ваше Высочество горечи не боится, я добавлю в прежний рецепт ещё несколько ингредиентов, чтобы усилить успокаивающий эффект.

С этими словами он принялся растирать тушь, взял кисть, нашёл лист бумаги и вывел новый рецепт. Первым же пунктом шло полфунта хуанляня (жёлтого корня). Лян Шу почувствовал, как у него задергался висок. Эта доза — для ванны что ли, а не для отвара? Он уставился в глаза собеседнику, пытаясь разглядеть в них хотя бы намёк на шутку, но тщетно. Выражение лица Лю Сюаньаня было предельно серьёзным, а его почерк — тонким и парящим. Аккуратно выстроенные иероглифы придавали рецепту вид неоспоримо авторитетного документа. Будь в нём указано и два фуня свиного рульца, пациент, наверное, и этому бы поверил.

И князь Сяо тоже поддался обману — отчасти потому, что хорошо знал: второй господин Лю с тех пор, как себя помнил, пребывал в возрасте сорока восьми тысяч лет, был не по годам серьёзен, смотрел на всех свысока, как на букашек, и никогда не достаивал простых смертных шуток. Не было причины делать исключение лишь для него одного.

Закончив выписывать рецепт, Лю Сюаньань сунул бумажку за пазуху и удалился, паря подобно небожителю.

Оставшийся один Лян Шу, чья репутация была для него дороже золота, тяжело вздохнул, откинулся на спинку стула и принялся размышлять. Отвар-то приготовить можно, но это ещё не значит, что он обязан его пить.

Однако А-Нин оказался мастером выбирать момент. После ужина, когда все собрались в кабинете для совещания, слуга с коробкой для еды, в которой лежало лекарство, степенно постучал в дверь.

Лян Шу: «...»

Чаша для лекарства оказалась таких размеров, что в ней можно было бы подать лапшу. Когда её извлекли, зрелище вышло поистине впечатляющим. Хуа Пинье, завидев её, тоже дёрнулся. Он много лет провёл в армии и помнил: даже когда князь был серьёзно ранен, лекарство он принимал чуть ли не по каплям, словно боясь выпить лишнего глотка. Теперь же перед ним предстала полная до краёв огромная пиала. Он тут же решил, что князь тяжело заболел, и сиплым голосом проявил участие:

— Давайте помолчим, пусть Его Высочество выпьет лекарство, пока горячее.

Чаша была огромной, а содержимое её — тёмно-коричневым, почти чёрным. Лян Шу смотрел на неё, и у него сводило мозг. Видя, что все в комнате уставились на него, он с бесстрастным лицом поднял пиалу.

Он осушил её залпом. На вкус оно оказалось не горьким, лишь слегка терпким, с лёгкой кислинкой и сладостью.

Он взглянул на дверь.

Там стоял, засунув руки в рукава, Лю Сюаньань, и в уголках его глаз пряталась улыбка.

Не горькое. Это была шутка.

В кабинете было душно. Окна, правда, распахнули, но прохлады от этого не прибавилось, зато пламя свечей от ветра плясало и мелькало. Комната, полная людей, обсуждавших самые что ни на есть досадные дела, — обстановка была не самой благоприятной. Настроение Лян Шу тоже было мрачным, но теперь, благодаря этой чаше лекарства и той улыбке, оно стало куда светлее.

Гао Линь толкнул А-Нина локтем: что это за божественное снадобье, раз князь так обрадовался? Завтра и мне приготовь.

— Господин добавил много сладкого корня, — прошептал А-Нин в ответ. — Но помощнику Гао, боюсь, не достанется. Господин сказал, что лекарства в пути трудно достать, поэтому весь сладкий корень и боярышник отныне — только для князя.

Пока они перешёптывались, Хуа Пинье снова развернул карту. Гора Гаолян была высокой и опасной вершиной, её хребты тянулись на многие ли, изрезанные оврагами и ущельями. Защищаться там было легко, атаковать — трудно. Лян Шу спросил:

— Сколько сейчас насчитывается мятежников?

— По грубым подсчётам, не менее пятидесяти тысяч, — ответил Хуа Пинье. — Но точной цифры нет. Сейчас, когда имя Хуан Вансяна у всех на слуху, многие под его знаменем вербуют

войска и скупают лошадей. То там, то сям появляются отряды — отделить истинных от ложных крайне трудно.

— Истинные, ложные — всё равно мятежники, — Лян Шу повернулся к Лю Сюаньаню. — Есть мысли?

— А нельзя ли нашим воинам переодеться беженцами, внедриться в ряды мятежников и ударить изнутри?

— Переодеться нетрудно, но внедриться будет непросто, — пояснил Хуа Пинъе. — Говорят, обычных беженцев поначалу распределяют под начало мелких главарей самого низкого ранга. Лишь поучаствовав в грабежах зерна и серебра или убив нескольких чиновников, можно удостоиться права предстать перед Хуан Вансяном. Да и сейчас его на горе Гаолян нет.

— Где же тогда основные силы мятежников?

Едва он задал этот вопрос, как прибыла новая военная депеша. Среди пространныго потока жалоб и пустословия затесался полезный абзац: Хуан Вансян во главе мятежников уже захватил три города и провозгласил себя императором в Сяньшуйчэне.

Гао Линь побледнел — не от испуга, а от ярости на бездарность местного гарнизона. Даже расставь они на городских стенах несколько чучел-пугал, и те смогли бы отогнать кучку мятежников! Сколько дней прошло с тех пор, как Хуа Пинъе получил известия? А Хуан Вансян уже из предводителя черни метит прямо на трон. Прибыть в Цуйцючэн в первый же день командующему войсками Великой Янь с такой дьявольской вестью — словно специально рассчитали по календарю самый подходящий момент.

Лян Шу спросил:

— Сколько всего войск расквартировано в этих краях?

— Тоже пятьдесят тысяч, — ответил Гао Линь. — Командует ими Люй Сян. Ваше Высочество, наверное, помните — он племянник сановника Люя.

Весь двор знал, что сановник Люй то и дело являлся к императору с докладами, осуждающими князя. От Северо-западного военного лагеря до резиденции князя Сяо в королевском городе Столицы Грёз — он выискивал малейшие, с ноготок, промахи и описывал их в пространных, на тысячи иероглифов, обличениях. Даже сам Сын Неба приходил от этого в отчаяние, но, памятуя о заслугах сановника, служившего при трёх поколениях правителей, не мог напрямую отвергнуть его мнение, чтобы однажды тот не разбил себе голову о ступени тронного зала, навлекая на императора обвинения в «доведении верного слуги до смерти». И у Лян Шу неприязнь к этому седобородому старику тоже пошла именно отсюда.

Начальники гарнизонов по всей Великой Янь происходили либо из Северо-западного, либо из Северо-восточного военных лагерей. Исключением был лишь Люй Сян. Выходец из знатной аристократической семьи, он отслужил два года в Императорской гвардии, а потом, когда в Поднебесной стало неспокойно и повсюду ощущалась нехватка войск, покойный император подал пример, сократив ряд приближённых. Люй Сян в то время как раз и был направлен на службу в регионы.

Короче говоря, он был изнеженным барчуком, не нюхавшим лиха.

— Сановник Люй при дворе сльвёт человеком честным и скромным, а вот его племянничек,

похоже, не прочь поживиться за счёт военных расходов, — Гао Линь вновь пробежался глазами по донесению. — В конце говорится, что командующий Люй уже выступил с войсками к Саньшуйчэню для подавления мятежа, да ещё добавил кучу высокопарных слов о «презрении к смерти». Неизвестно, одумался ли он, испугавшись провозглашения Хуан Вансяна императором, или же прослышал о приближении Его Высочества князя Сяо и поспешил исполнить долг.

Лян Шу ничуть не возражал бы, если бы этот бездарь отправился на тот свет напрямик в родные края. Но за Люй Сяном стояли пятьдесят тысяч солдат Великой Янь.

— Оседлать коней, — распорядился он.

Лю Сюаньань выступил вперёд.

— Я поеду с Вашим Высочеством.

Для быстрой езды требовались лёгкие кони, а повозка по извилистым тропам не пройдёт. У Лю Сюаньаня же была низкорослая лошадка, проворная и выносливая, но бежала она очень медленно, цокая копытами, словно растягивая время до бесконечности. Потому Хуа Пинье подобрал для него гнедого коня, с ногами длинными, как у Тёмного Цзяо, но с характером буйным — того и гляди, лягнёт кого ни попадя.

Гао Линь был в недоумении:

— Да ты сам на этого дебошира еле взбираешься, а второму господину Люй его подсунул?

Хуа Пинье тоже удивился:

— А что? Разве нет? Но ведь второй господин Люй сумел даже Тёмного Цзяо подкупить, я-то думал, он укротитель лошадей.

Пока они препирались, стоявший рядом Лю Сюаньань, испуганный гнедым конём, отступил на два шага, зацепился пяткой за гнилую жердь и едва не шлёпнулся в грязь.

Лян Шу вовремя подхватил его и взвалил на Тёмного Цзяо.

— Держись. Поедешь на нём.

Лю Сюаньань упёрся руками в седло.

— ...Хорошо.

Лян Шу развернулся, вскочил на гнедого коня, одной рукой натянул поводья и прикрикнул:

— Успокойся!

Конь нехотя отступил на пару шагов. Выглядел он всё ещё недовольным, но, в конце концов, не стал устраивать представление, а лишь потоптался на месте, не издавая ни звука.